

Байнев В.Ф., д.э.н., профессор,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
baynev@bsu.by

МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА И ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ИХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

В странах бывшего СССР после двух с лишним десятилетий беспрецедентного для условий мирного времени либерально-рыночного разгрома научно-технической, инновационной, промышленной сфер их национальной экономики (об этом мы подробно писали, например, в [1, 2, 3]) растет осознание необходимости ее модернизации, инновационного обновления, осуществления мощного технико-технологического рывка. Так, модернизация российской экономики обозначена в качестве стратегического инновационного проекта Российской Федерации, причем в рамках его реализации президент России Владимир Путин специальным указом поручил правительству к 2020 г. создать 25 миллионов современных высокопроизводительных рабочих мест. Солидарен с ним и его белорусский коллега, который в своем очередном (2013 г.) Послании белорусскому народу и Национальному собранию также обозначил модернизацию, инновационное обновление белорусской экономики в качестве одного из трех (наряду с информатизацией общества и поддержкой молодежи) национальных проектов Беларуси.

Реализация этих замыслов существенно облегчится и ускорится в том случае, если в процессе формирования как национальной, так и наднациональной инновационной политики будут учтены следующие общемировые тенденции и процессы.

1. Следует понимать, что подлинным «катализатором» инноваций и, соответственно, «локомотивом» перехода к инновационной экономике любой страны является ее промышленный комплекс. Это однозначно следует из того, что именно промышленность является производителем и поставщиком прогрессивных, инновационных средств труда и предметов быта во все прочие отрасли и сферы жизнедеятельности современного человека. Не секрет, что уже сегодня место той или иной страны в иерархии технологически развитых держав, несмотря на их лукавую риторику о прелестях грядущего «постиндустриального общества», во многом определяется тем, какие она производит компьютеры, микроконтроллеры, электронику, автомобили, суда, самолеты, двигатели, вооружения, бытовую технику и т. д., а также средства их производства. Пройдет некоторое время, и от состояния промышленно-индустриального комплекса будет всецело зависеть экономический и политический суверенитет государств и народов.

Таким образом, несмотря на то, что лидеры мировой экономики, заинтересованные в наращивании своего отрыва от остального мира, искусно маскируют истинное содержание грядущей эпохи мудреными понятиями типа «постиндустриальное общество», «сервисная экономика услуг», «информационное общество» и т. п., специалисты настойчиво поправляют: мир вступает не в постиндустриальную, а в неоиндустриальную эпоху. Иными словами, в технотронном XXI веке решающим фактором не только глобальной конкурентоспособности, но и элементарного выживания стран и их блоков станет уровень развития их промышленно-индустриального комплекса, их способность осуществить новую индустриализацию (неоиндустриализацию) – инновационное обновление промышленности на основе факторов, относящихся к VI технологическому укладу [2, 3, 4, 5, 6].

К счастью, в странах Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) осознают необходимость высокотехнологичного индустриального прорыва в качестве ключевого условия модернизации национальной экономики и достижения ею глобальной конкурентоспособности. О новой индустриальной политике (неоиндустриализации), нацеленной на кардинальное повышение производительности труда за счет его замещения факторами производства, относящимися к высшим технологическим укладам, сегодня говорят, например, на верхних уровнях управления российского государства [6].

Следует пояснить, что концептуальные, теоретические основы новой индустриальной политики сегодня достаточно хорошо разработаны. Индустриальное развитие – это непрерывный, перманентный процесс, первая фаза которого – индустриализация, реализованная в соответствии с формулой «электрификация + механизация народного хозяйства», успешно пройдена всеми развитыми странами, включая СССР, во второй половине прошлого века. Термин «неоиндустриализация» означает, что в наши дни мир вступает в очередную, новую фазу индустриального прогресса, реализуемую в соответствии с принципиально новой формулой «автоматизация национальной экономики + вертикальная интеграция производств и капиталов». Это выражается, с одной стороны, в ускоренном росте количества встроенных микроконтроллерных управляющих устройств, позволяющих многократно повысить производительность физического и управленческого труда. С другой стороны, открытый в 1996 г. российским ученым Сергеем Губановым закон вертикальной интеграции с целью достижения максимальной эффективности производства предписывает объединение в рамках крупных корпораций всех взаимосвязанных звеньев единых цепочек создания стоимости, начиная с добычи сырья и заканчивая производством и сбытом конечной продукции [4, 5].

2. Важно осознавать и учитывать, что сегодня в мире в полном соответствии с требованиями закона вертикальной интеграции прямо на наших глазах происходит кардинальная смена экономической научно-образовательной парадигмы, а именно происходит отказ технологически развитых стран от устаревшей конкурентно-рыночной доктрины в пользу современной и прогрессивной интеграционной системы экономических знаний.

При этом переход к интеграционной доктрине осуществляется сразу на нескольких уровнях. На уровне конкретных субъектов хозяйствования интеграция реализуется в форме стремительного роста концентрации капиталов и прибыли под контролем крупных и сверхкрупных вертикально-интегрированных корпораций на фоне снижения значимости малого и среднего бизнеса (табл. 1).

Таблица 1. Долгосрочная тенденция нарастания концентрации капитала и прибыли под контролем крупных корпораций США в 1970–2005 гг.

Год	Всего, %	Размер компании (величина ее капитала), млн долл.						
		менее 10	от 10 до 25	от 25 до 50	от 50 до 100	от 100 до 250	от 250 до 1000	1000 и выше
Доля в совокупном капитале, %								
1970	100	11,95	3,54	3,48	4,49	8,26	19,45	48,82
1990	100	5,42	2,83	2,13	2,76	4,71	10,93	71,21
2000	100	3,54	1,76	1,49	1,87	3,09	8,03	80,23
2005	100	2,90	1,47	1,20	1,54	2,44	7,24	83,21
Доля в совокупной прибыли, %								
1970	100	9,84	2,84	2,93	3,85	8,10	20,52	51,91
1990	100	7,74	4,69	2,51	2,42	3,20	6,46	72,99
2000	100	6,02	2,48	1,24	1,00	1,27	5,49	82,50
2005	100	4,29	1,59	0,98	0,97	1,99	4,12	86,06

Источник: [5, с. 20].

Здесь нелишне будет отметить, что осуществленная в «лихие 90-е годы» приватизация, безжалостно расчленившая единый народнохозяйственный комплекс СССР и бездумно разрезавшая единые цепочки создания стоимости на конкурирующие фрагменты, в полном соответствии с законом вертикальной интеграции существенно понизила эффективность функционирования хозяйственных систем всех уровней. А оказавшиеся в самом начале таких цепочек сырьевые и энергетические монополии (олигархи) растущими тарифами на свою продукцию «взяли за горло» и довели до кризисного состояния обрабатывающий и исследовательский секторы, а заодно спровоцировали на всем постсоветском пространстве «загадочно необоримую» инфляцию.

На уровне национальных экономик объединительные процессы проявляются в виде выявленной МВФ долгосрочной тенденции нарастания в наиболее развитых странах экономической роли государства как интегрирующего экономику и общества института (табл. 2).

Таблица 2. Долгосрочная тенденция роста госрасходов в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в период 1870–1996 гг., % ВВП

Страна	Годы						
	1870	1913	1937	1960	1980	1990	1996
Австрия	-	-	20,6	35,7	48,1	38,6	51,7
Бельгия	-	13,8	21,8	30,3	57,8	54,3	54,3
Великобритания	9,4	12,7	30,0	32,2	43,0	39,9	41,9
Германия	10,0	14,2	34,1	32,4	47,9	45,1	49,0
Испания	-	11,0	13,2	30,1	42,1	53,4	52,9
Италия	11,9	11,1	24,5	30,1	42,1	53,4	52,9
Канада	-	-	25,0	28,6	38,8	46,0	44,7
Норвегия	5,9	9,3	11,8	29,9	43,8	54,9	49,2
Нидерланды	9,1	9,0	19,0	33,7	55,8	54,1	49,9
США	7,3	7,5	19,7	27,0	31,4	32,8	33,3
Франция	12,6	17,0	29,0	34,6	46,1	49,8	54,5
Швеция	5,7	10,4	16,5	31,0	60,1	59,1	64,7
Швейцария	16,5	14,0	24,1	17,2	32,8	33,5	39,4
Япония	8,8	8,3	25,4	17,5	32,0	31,3	36,2
В среднем по странам ОЭСР	10,5	11,9	22,4	27,9	43,1	44,8	45,8

Источник: [7, р. 5].

Следует отметить, что особая роль принадлежит государству именно в научно-технической, промышленной, инновационной сфере. Например, в США все научно-технологические и промышленные прорывы регулярно осуществлялись и продолжают осуществляться в рамках многомиллиардных государственных (федеральных) программ. В Великобритании также на правительственном уровне официально утверждены и реализуются государственные приоритеты в области исследований и технологий «Research and Technology Priorities» (2001), государственный план действий «Science and

Innovation Strategy», правительственная промышленная стратегия «Government's Manufacturing Strategy» (2002), созданы Совет по технологической стратегии Великобритании и Центр поддержки инноваций. По мнению многочисленных экспертов, все «экономические чудеса» Японии, Германии, Южной Кореи, Китая, Индии также являются следствием активной государственной инновационной промышленной политики, всемерно способствующей вертикальной интеграции взаимосвязанных производств, прежде всего, в рамках ТНК. При этом государственная поддержка научно-технического, промышленного, индустриального прогресса в странах, совершивших научно-технологический прорыв, не только не ослабевает, но и нарастает быстрыми темпами [8, с. 26–27].

Однако наиболее отчетливо интеграционная парадигма развития проявляет себя на наднациональном, глобальном уровне в форме создания и усиления мощных межгосударственных интеграционных группировок, таких как ЕС, ОЭСР, ШОС, ТС и т. д. В частности, это выражается в повышении координирующей и планирующей роли наднациональных органов управления в экономике, включая сферу научно-технического, инновационного, промышленного развития. Например, в ЕС в 2007–2013 годы реализована VII Рамочная программа научных исследований и разработок, согласно которой централизованные затраты на поддержку исследований и развитие научно-инновационной инфраструктуры союза достигли 73 млрд евро. Это в 4,2 раза больше бюджета аналогичной VI Рамочной программы, реализованной в 2000–2006 годы. В перечне стандартных мер этих и других аналогичных программ – исключение нерационального дублирования НИОКР конкурирующими странами и корпорациями, реализация ими взаимодополняющих научно-исследовательских работ и производств, концентрация ограниченных ресурсов на стратегических направлениях научно-технического прогресса, реализация вертикальной интеграции науки и производств, входящих в единые технологические цепочки передела сырья в конечную продукцию.

В 2010 г. в рамках инициативы ЕС «Промышленная политика для эпохи глобализации» опубликован документ «Интегрированная промышленная политика для эпохи глобализации: выдвигание на передний план вопросов конкурентоспособности и устойчивого развития», обосновывающий целесообразность ускоренного развития крупных вертикально интегрированных корпораций. При этом подлинным прорывом на концептуально-теоретическом уровне формирования новой индустриальной экономики следует считать тот факт, что страны ЕС с традиционного уровня борьбы за «здоровую конкуренцию» внутри союза постепенно поднялись до осознания необходимости формирования его коллективной конкурентоспособности на внешних рынках. Специалисты отмечают важную деталь – в последние годы наши западные соседи в качестве стратегического приоритета развития обозначают не просто промышленную политику, а достижение именно промышленной конкурентоспособности ЕС как целостной экономической системы.

3. Взгляд на модернизацию экономики как на национальный проект подразумевает, что проблемами модернизации и повышения конкурентоспособности должны быть озабочены не только сами обновляющиеся субъекты хозяйствования, но и другие национальные институты, ответственные за создание в стране условий хозяйствования, по крайней мере, не хуже, чем у наших зарубежных конкурентов [9]. И действительно, нелогично и даже безнравственно требовать от отечественных предприятий инновационного обновления и достижения ими глобальной конкурентоспособности в условиях, когда, например, процентная ставка по кредитам в странах бывшего СССР в разы, а порою даже в десятки раз выше, чем у западных конкурентов. Одно только это, надежно отсекая наши субъекты хозяйствования от необходимых для инновационного обновления кредитных ресурсов, ставит их в заведомо проигрышные условия. То же самое можно сказать и о некоторых других ключевых параметрах монетарной, кредитно-денежной, бюджетно-налоговой, инновационной, промышленной политики [2, 3, 9, 10].

Итак, изученный нами опыт развития технологически развитых стран показывает, что успешная модернизация национальной экономики Беларуси, других стран ТС и ЕЭП возможна только в условиях формирования и реализации ими скоординированной межгосударственной инновационной политики. В качестве стратегического направления этой политики должен быть официально объявлен курс на новую индустриализацию, нацеленную на кратное повышение производительности труда за счет массивного производства и внедрения во все сферы жизнедеятельности общества факторов, относящихся к высшим технологическим укладам.

В рамках осуществления новой индустриализации должны быть приняты кардинальные меры по созданию новых и/или воссозданию расчлененных «секирой приватизации» единых цепочек создания стоимости вплоть до введения института «обязательного госзаказа» и национализации стратегически значимых и инфраструктурных отраслей и производств. Принципиальное значение при этом имеет создание белорусско-российских, белорусско-казахстанских, белорусско-российско-казахстанских и т. д. вертикально-интегрированных компаний, которые вместо навязываемой нам Западом концепции «здоровой конкуренции» друг с другом должны быть ориентированы на коллективное противодействие общим внешним конкурентам на основе взаимного дополнения имеющихся у наших стран ресурсов и капиталов. С целью облегчения создания таких межгосударственных корпораций в Договор о Евразийском экономическом союзе необходимо заложить концептуальные положения об «обязанности сторон создавать взаимодополняющие (а не конкурирующие) производства» и «учете взаимных экономических интересов союзных государств», включая сохранение профиля их деятельности, социальной ориентации, справедливое распределение прибыли между объединяющимися компаниями и т. п. Непременное условие их конкурентоспособности – доведение в странах ТС и ЕЭП ключевых параметров кредитно-денежной политики до общепринятых в цивилизованном мире значений [1, с. 63–72; 2, с. 58–73; 3, с. 138–158; 9, 10].

И, наконец, самое главное – необходим решительный отказ от завезенной к нам из-за океана в качестве «тройного коня» конкурентно-рыночной экономической научно-образовательной парадигмы, объективно препятствующей интеграции. Ее нынешний убогий «экономический» вариант не просто программирует самоубийственную дезинтеграцию как рыночную «войну всех со всеми», но и, выдвигая на первый план безграничные потребности индивида, игнорирует задачи

расширенного воспроизводства и развития, является теоретическим фундаментом чудовищной экономической дифференциации и духовно-нравственной деградации людей, губительного для всех нас конфликта человека и природы [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Байнев, В.Ф. Модернизация как национальный проект Республики Беларусь // В.Ф. Байнев // Наука и инновации. – Минск, 2013. – №9(127). – С. 38–40.
2. Байнев, В.Ф. Монетарные факторы деиндустриализации / В.Ф. Байнев // Экономист. – Москва, 2009. – № 4. – С. 35–46.
3. Байнев, В.Ф. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт: монография / В.Ф. Байнев, В.В. Саевич; под общ. ред. проф. В.Ф. Байнева. – Минск: Право и экономика, 2007. – 180 с. (Электронная версия монографии в Интернете: <http://www.bsu.by/ru/sm.aspx?guid=142653>)
4. Байнев, В.Ф. Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма: курс на неоиндустриализацию: монография / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник; под общ. и науч. ред. В.Ф. Байнева. – Минск: Право и экономика, 2009. – 114 с. (Электронная версия монографии в Интернете: <http://www.bsu.by/ru/sm.aspx?guid=381253>)
5. Байнев, В.Ф. Экономикс как псевдонаучная научно-образовательная парадигма / В.Ф. Байнев // Новая экономика. – Минск, 2012. – №1. – С. 5–16.
6. Белорусский путь / О.В. Пролесковский, Т.И. Адуло, В.Ф. Байнев [и др.] / Под ред. О.В. Пролесковского и Л.Е. Криштаповича; Министерство информации Республики Беларусь. – Минск: Мастацкая літаратура, 2012. – 510 с.
7. Губанов, С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
8. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. – Москва, 2008. – №9. – С. 3–27.
9. Матвиенко, В. О новой индустриализации России / В. Матвиенко // Экономист. – №7. – Москва, 2013. – С. 3–5.
10. Tanzi, Vito. The Demise of the Nation State? / Vito Tanzi // IMF Working Paper 98/120. – 1998. – August. – P. 3–7.
11. Россия – Беларусь. Инновационная политика и интеграционное взаимодействие; Под ред. Г.А. Власкина. – М.: Институт экономики РАН, 2006. – 268 с.

Бодак М.С., доцент

УО «Брестский государственный технический университет»,
г. Брест, Республика Беларусь
msbodak@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС КАК ОСНОВА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Инновационное развитие представляется потенциальным ресурсом, обеспечивающим возможность Республике Беларусь расширить свое влияние на мировые процессы в условиях глобальной конкурентной среды. Усиление инновационной составляющей геополитического потенциала на современном этапе является закономерным результатом предшествующего развития страны, в процессе которого были созданы определенные политические, идеологические, социально-экономические, научно-технологические и другие предпосылки для эффективного вхождения Беларуси в мировую экономику. Для достижения такой цели как включение Республики Беларусь в число высокоразвитых стран, взявших курс на построение постиндустриального информационного общества, экономика страны должна основываться на знаниях. Взаимобусловленность экономического и научно-технологического развития, где главную роль играют «волны нововведений и изобретений», отмечает Й. Шумпетер. Он считает, что превентивность инновационного воздействия «не требует доказательств» [4, с. 49].

Беларусь не является здесь исключением. Для нее, по выражению С. Ю. Глазьева, предстоит «оседлать» новую длинную волну глобального экономического роста и выйти на траекторию опережающего развития. [2, с. 6]. Пока же можно констатировать, что использование устаревших технологий повышает затратность производства. Добавленная стоимость, создаваемая в промышленном комплексе Беларуси, составляет около 30%, в то время как в США около 45-50%. Причина такого положения лежит в низком уровне укладности наукоемкости и технологической вооруженности производства. Примерно 23,9 - 25% продукции, производимой в Беларуси, относится к I-III технологическим укладам, 68,7 - 70% – к IV и 5 – 7,7% – к V–VI. Продукция низкой наукоемкости составляет около 60%, средненизкой и средневысокой – до 30% и высокой – до 10%. Средняя продолжительность использования оборудования в производственной сфере составляет 20-30 лет, а половина базовых технологий разработана в советское время. По уровню прогрессивности используемых технологий ситуация выглядит следующим образом: 79 % – традиционные технологии, 15,8 % - новые технологии и 5,2 % – высокие технологии. Это создаёт проблемы для индустриально- ориентированной экономики в условиях ускорения темпов НТП и сокращения периода научно-технических циклов. Энергоемкость ВВП вдвое превышает аналогичный показатель развитых стран, несмотря на то, что энергетическая составляющая в затратах на производство продукции в Беларуси составляет от 5 до 20% [3, с. 56].